

18+

Максим Софьин

МНЕ ПОВЕЗЛО

Фантастический триллер

Максим Софьин
Мне повезло.
Фантастический триллер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73552893

ISBN 9785006940932

Аннотация

Глубокий психологический триллер с философским подтекстом на тему родительства и детерминизма, где присутствует двойственность восприятия. Название «Мне повезло» само по себе является отличным саркастическим или, наоборот, трагическим якорем. Сюжет выстроен вокруг героя, который вырос в «идеальной» семье. Внешне это воплощение успеха, любви и заботы. Однако философская загадка будет заключаться в цене этого везения, где читатель осознает, что «везение» было результатом тотального контроля.

Содержание

Книга «Мне повезло»	5
Часть I. Золотая клетка	6
Глава 1. Стерильный уют	6
Глава 2. Чужие вещи	12
Глава 3. Лабораторный журнал	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мне повезло Фантастический триллер

Максим Софьин

© Максим Софьин, 2026

ISBN 978-5-0069-4093-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга «Мне повезло»

Содержание :

Часть I. Золотая клетка

Глава 1. Стерильный уют

Глава 2. Чужие вещи

Глава 3. Лабораторный журнал

Глава 4. Фотография с изъяном

Глава 5. Голос из прошлого

Часть II. Архитектура лжи

Глава 6. Протокол коррекции

Глава 7. Сенатор и тень

Глава 8. Побег в никуда

Глава 9. Встреча у колонн

Часть III. Цена свободы

Глава 10. Истинный ритм

Глава 11. Выбор демиурга

Глава 12. Мне повезло

Эпилог: Тишина после бури.

Часть I. Золотая клетка

Глава 1. Стерильный уют

Гостиная загородного дома дышала стерильным уютом. Здесь не было пыли, не было случайных вещей, не было жизни в том хаотичном понимании, к которому Марк привык в городе. Воздух был насыщен запахом бергамота и чего-то едва уловимого, напоминающего аптечную горечь.

Марк сидел в глубоком кресле, чувствуя, как крахмальная белизна рубашки слегка стягивает горло. Перед ним на низком столике стояла чашка чая, от которой поднимался тонкий пар. Он смотрел на темную поверхность напитка, как гадалка смотрит в мутное зеркало.

Элен, чьи движения всегда казались отрепетированными до миллиметра, аккуратно расправляла кружевную салфетку на краю комода. Она не оборачивалась, но Марк кожей чувствовал её внимание. Оно было тяжелым, физическим, словно невидимая ладонь лежала у него на затылке.

– Ты сегодня молчалив, милый, – её голос прозвучал мягко, окутывая, как теплое одеяло, под которым трудно ды-

шать. – Ужин у сенатора прошел великолепно. Ты выглядел таким счастливым, когда обсуждал проект нового культурного центра.

Марк нахмурился. Он помнил свет люстр, звон бокалов и лицо сенатора – гладкое, без пор, словно восковое. Но само ощущение счастья... оно ускользало, как вода сквозь пальцы. В голове всплывал лишь образ собственных ладоней, вцепившихся под столом в колено, чтобы унять предательскую дрожь.

– Мама, я... мне показалось, что в середине вечера мне стало нехорошо, – произнес Марк, и его голос прозвучал тише, чем он обычно. – Я вышел на балкон, потому что не мог дышать. Там было холодно. Я боялся упасть.

Элен наконец повернулась. На её лице застыла улыбка – идеальное сочетание сочувствия и легкой укоризны. Она подошла к сыну и положила прохладную ладонь ему на лоб. Прикосновение было долгим, слишком долгим.

– Тебе просто показалось, Марк, – сказала она, и в её тоне не было сомнения. Это была констатация факта, не подлежащего обсуждению. – Это была избыточная радость. Ты всегда был слишком чувствительным к успеху. Мы с отцом стояли рядом, ты смеялся и пил шампанское. Ты даже пошу-

тил про колонны в стиле неоклассицизма, помнишь?

Марк зажмурился. Он пытался вызвать в памяти этот смех, эту шутку. Но вместо этого перед глазами стоял холодный гранит балконных перил и панический страх пустоты.

– Нет, я... – начал он, но его перебил сухой скрип открываемого блокнота.

Томас сидел в тени у окна. Его массивная фигура казалась частью мебели, продолжением темного дерева книжных шкафов. Он что-то быстро записывал, не поднимая глаз. Свет настольной лампы выхватывал лишь седые виски и очки в тонкой оправе.

– 22:15, – произнес Томас, словно констатируя факт погоды. Голос у него был низкий, вибрирующий, заставляющий вибрировать грудную клетку сына. – Незначительный эпизод дезориентации. Спишем на переутомление после сдачи чертежей.

Томас закрыл блокнот и наконец посмотрел на сына поверх очков. В этом взгляде не было злости, только ледяная уверенность хирурга, наблюдающего за пациентом перед сложной операцией.

– Марк, я уже договорился с твоим руководством: следующую неделю ты проведешь здесь, в поместье. Тебе нужно вернуться в свой истинный ритм.

– Ритм? – Марк поднял взгляд на отца. В горле пересохло. – Но у меня завтра встреча с заказчиком. Я не могу просто...

– Встреча отменена, – отрезал Томас. – Мы уже всё уладили. В этом доме ты в безопасности. Здесь ничто не тревожит твою память ложными образами.

Элен нежно погладила Марка по волосам, её пальцы на мгновение задержались на его виске, словно проверяя пульс.

– Пей чай, дорогой. Он поможет тебе вспомнить всё так, как это было на самом деле. Мы же хотим, чтобы ты был счастлив. Тебе повезло, Марк. У тебя есть мы.

«Мне повезло». Эта фраза прозвучала как приговор.

Марк посмотрел в темную глубину напитка. Ему вдруг стало страшно, что если он сделает глоток, то балкон, страх и нехватка воздуха исчезнут навсегда. Они будут стерты, как карандашный набросок ластиком, оставив на своем месте

лишь удобную, одобренную родителями картинку его безупречной жизни.

Он медленно опустил чашку на блюдце. Фарфор звякнул о стекло слишком громко в наступившей тишине.

– Я не хочу чая, – сказал Марк.

В гостиной воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь размером тиканья напольных часов. Томас снова открыл блокнот. Карандаш заскрипел по бумаге, фиксируя непослушание.

– Отказ от терапии, – пробормотал отец. – Уровень тревожности повышен. Требуется коррекция режима.

Марк встал. Ноги были ватными.

– Я устал. Я пойду к себе.

– Конечно, спи, – сказала Элен, и её улыбка не дрогнула ни на миллиметр. – Мы позаботимся о том, чтобы тебе ничего не снилось.

Марк вышел из гостиной, чувствуя спиной их взгляды. Они не смотрели ему вслед. Они смотрели на то, как он уходит, как экспериментатор смотрит на крысу, бегущую по ла-

биринту. Коридор был длинным, освещенным тусклыми бра. Тени ложились так, будто кто-то невидимый шагал рядом, чуть отставав.

Он поднялся в свою комнату. Дверь защелкнулась, но это не принесло облегчения. В этом доме не было замков, которые родители не могли бы открыть. В этом доме не было тайн, кроме тех, что они сами разрешали иметь.

Марк подошел к окну. За стеклом была черная ночь и ухоженный сад, где даже кусты были подстрижены под идеальную геометрическую форму. Он попытался вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя свободным. Память услужливо подкинула образ университета, но лица друзей были размыты, словно кто-то провел по фотографии влажной губкой.

«Мне повезло», – прошептал он в темноту.

И впервые в жизни эти слова прозвучали как вопрос.

Глава 2. Чужие вещи

Ночь в родительском доме никогда не была такой темной. Дежурное освещение в коридорах, подсветка плинтусов, мягкий свет ночников в розетках. Это создавало эффект аквариума: Марк чувствовал себя рыбой, за которой наблюдают даже когда она спит.

Он лежал на кровати, застеленной бельем, которое пахло лавандой и свежестью, слишком интенсивной, чтобы быть натуральной. Комната была его детской комнатой, но одновременно не была. Мебель та же: массивный дубовый письменный стол, книжный шкаф, кровать. Но вещи...

Вещи были чужими.

На полках стояли книги, которые он якобы любил. Классика, архитектурные альбомы, философские трактаты. Он потянулся к тому же Камю. Открыл на случайной странице. На полях не было его заметок. Ни одного подчеркивания, ни одного вопросительного знака, которые он привык оставлять во время чтения. Бумага была девственно чистой.

Марк отбросил книгу. Сердце колотилось где-то в горле. Он начал осматривать комнату лихорадочно, как человек,

ищущий выход из горящего здания.

Ящики стола. Заперты.

Шкаф. Одежда развешана по цветам. Все размеры точные, хотя он немного поправился за последний год.

Пол. Под ковром? Нет, слишком рискованно шуметь.

Его взгляд упал на нижнюю полку шкафа, где в детстве хранилась коробка с игрушками. Он помнил, как мать убрала её, когда ему исполнилось пятнадцать. «Ты взрослый мужчина, Марк», – сказала она тогда. Но сейчас коробка стояла на месте. Аккуратная, пластиковая, с прозрачной крышкой.

Марк опустил на колени. Руки дрожали. Он снял крышку.

Внутри лежал плюшевый медведь. Потертый, с одним глазом, который блестел чуть тусклее другого. Марк узнал его мгновенно. Мистер Браун. Единственное существо, которому он мог жаловаться на страхи в возрасте семи лет.

Но что-то было не так.

Марк взял игрушку в руки. Ткань была жесткой, словно пропитанной каким-то раствором. Он перевернул медведя.

На спине, там, где раньше была просто заплатка, теперь висела аккуратная белая бирка. Не магазинная. Напечатанная на машинке.

Марк прищурился, поднося бирку к свету ночника.

«Объект: М. (7 лет). Дата: 14.05. Статус: Изъято.

Причина: Объект проявил излишнюю привязанность. Источник эмоциональной нестабильности. Требуется замена на нейтральный стимул».

Внизу мелким шрифтом было приписано: «Возврат возможен при достижении стабильности».

Марк выронил медведя. Тот упал на ковер беззвучно, словно был набит ватой слишком плотно.

«Источник эмоциональной нестабильности». Они забрали у него игрушку не потому, что он вырос. Они забрали её, потому что он любил её слишком сильно. Потому что эта любовь была вне их контроля.

Он начал лихорадочно перебирать остальные вещи в коробке. Солдатики. Конструктор. Все с бирками.

«Конструктор: Развито пространственное мышление. Полезно. Оставлено.»

«Солдатики: Агрессивный контекст. Заменено на шахматы.»

Его жизнь была инвентаризирована. Каждое желание взвешено, измерено и одобрено или уничтожено.

Марк сел на пол, обхватив голову руками. Воспоминания начали всплывать, но они были искажены, как отражение в кривом зеркале. Он помнил слезы, когда у него забрали медведя. Он помнил, как мать говорила: «Не плачь, мы купим тебе лучшего». Но они не купили. Они просто дали ему понять, что слезы – это ошибка в программе.

В дверь постучали

Марк вздрогнул и быстро захлопнул крышку коробки, задвинув её обратно в темноту шкафа.

– Марк? – голос Элен был мягким, но сквозь дерево двери он звучал как сигнал тревоги. – Ты не спишь? Я слышала движение.

– Я просто искал воду, – соврал Марк. Его голос не дрогнул. Он удивился собственной способности лгать им в лицо.

– Вода стоит на тумбочке, дорогой. Не блуждай по дому ночью. Тени могут сыграть с тобой злую шутку. Ты же знаешь, как ты чувствителен к образам.

– Я знаю, мама. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сын. Помни: мы рядом. Мы всегда охраняем твой сон.

Шаги удалились. Но Марк знал: она не ушла далеко. Она стоит за дверью. Слушает его дыхание.

Он подошел к тумбочке. Там действительно стоял графин с водой. И рядом – две белые таблетки в блистере. Без подписи.

Марк смотрел на таблетки. Они были маленькими, круглыми, безобидными. «Для спокойствия», – наверняка сказала бы мать. «Для стабилизации фона», – написал бы отец в своем журнале.

Он взял блистер, сжал его в ладони так, что пластик хрустнул, и спрятал в карман пижамных брюк.

Завтра он пойдет в кабинет отца. Он должен увидеть эти журналы. Он должен понять, что еще они «изъяли» из его жизни.

Марк лег в кровать и закрыл глаза. Но спать он не собирался. В темноте его собственной комнаты он чувствовал себя шпионом во вражеском стане. И самое страшное было

не то, что враги вокруг. Самое страшное было то, что часть его самого хотела выпить этот чай, съесть эти таблетки и забыть о балконном страхе. Часть его хотела остаться в золотой клетке.

И с этой частью ему предстояло сразиться в первую очередь.

Глава 3. Лабораторный журнал

Утро наступило слишком быстро, словно ночь была сокращена по распоряжению администрации дома. Солнце било в окна ярким, неестественным светом, выхватывая каждую пылинку в воздухе.

Марк спустился к завтраку первым. Стол был накрыт безупречно: фарфор, серебро, салфетки, сложенные в виде лебедей. Элен возилась у плиты, Томас читал газету. Ничего не изменилось. И именно эта неизменность пугала больше всего.

– Доброе утро, – сказал Марк, садясь на свой стул. Тот самый, на котором он сидел последние пятнадцать лет.

– Доброе, – отозвался Томас, не отрывая глаз от полосы новостей. – Ты хорошо спал? Цвет лица значительно лучше.

– Да. Мне нужно зайти в твой кабинет. Я оставил там чертежи прошлого года. Хочу свериться.

Томас медленно опустил газету. Его взгляд был тяжелым, изучающим.

– Кабинет закрыт, Марк. Ты знаешь правила. Там доку-

менты компании.

– Это мои чертежи, отец.

– Они архивированы. Я сам найду их для тебя позже. Сейчас позавтракай. Омлет остывает.

Марк посмотрел на омлет. Желток был идеально круглым, словно вырезанным циркулем.

– Я сам найду. Это займет минуту.

Он встал, не дожидаясь разрешения. Чувствовал, как взгляд отца прожигает ему спину, как рентген. Элен замерла с ложкой в руке. В воздухе повисло напряжение, густое, как кисель.

Марк вышел в коридор. Он знал, где кабинет. Дверь в конце прихожей, обитая кожей. Обычно она была заперта на ключ, который Томас носил на цепочке внутри рубашки. Но сегодня, возможно, из-за утренней спешки или уверенности в полном контроле над сыном, дверь была лишь прикрыта.

Марк оглянулся. Из кухни не доносилось ни звука. Он надавил на ручку. Дверь бесшумно подалась.

Кабинет пах старой кожей, табаком и тем же аптечным запахом, что и чай вчера вечером. Здесь не было окон, только искусственное освещение. Стены от пола до потолка занимали шкафы с папками. На столе стоял компьютер, выключенный, и стопки бумаг.

Марк подошел к столу. Его руки тряслись, но он сжал их в кулаки, заставляя успокоиться. Он начал перебирать бумаги. Счета, контракты, письма. Все скучное, официальное.

И тут он заметил их. В нижнем ящике, под слоем чертежей, лежали обычные школьные тетради в клетку. Десятки тетрадей. На корешках были даты.

«1995. Объект М. Этап 1».

«2000. Объект М. Этап 2».

«2010. Объект М. Кризис взросления».

Марк вытащил одну из свежих. Последнюю. Открыл на середине.

Почерк отца был четким, рубленным.

«14 сентября. Объект проявил интерес к девушке на выставке. Имя: Анна. Профессия: художник. Потенциальный риск: нестабильный доход, божественный образ жизни, влияние

на эмоциональный фон Объекта.»

«Решение: Организовать переезд Анны в другой город. Предложить грант на обучение в Париже. Объекту сообщить о её внезапном охлаждении.»

«Результат: Объект пережил депрессию длительностью 14 дней. После коррекции химическим составом чая – стабилизация. Вывод: Привязанность к внешним агентам блокирует продуктивность.»

Марк почувствовал, как пол уходит из-под ног. Анна. Он помнил её. Помнил её смех, запах краски на её пальцах. Помнил, как она исчезла. Ему сказали, что она уехала, что она не любила его по-настоящему. Он страдал полгода. Пил таблетки, которые давала мать.

Это не было любовью. Это была дезинфекция.

Он лихорадочно листал страницы дальше.

«Проект „Наследник“. Цель: Создание идеального исполнителя для передачи управления активами корпорации. Исключение фактора свободной воли.»

«Метод: Изоляция, контроль информационного поля, фармакологическая коррекция памяти.»

«Статус: Успешно. Объект считает себя свободным архитектором. Не подозревает о природе своих проектов.»

Марк замер. Его проекты. Культурный центр. Библиотеки. Парки. Он думал, что создает пространство для людей.

Он перевернул страницу. Там лежал чертеж. Тот самый, который он обсуждал с сенатором вчера.

Но поверх чертежа лежала другая бумага. Схема.

Здание культурного центра было лишь оболочкой. Под ним, согласно схеме, располагались серверные помещения и частные архивы компании Томаса. Марк проектировал не храм искусства. Он проектировал хранилище для компромата и незаконных данных, маскируя его под благотворительность.

Он был не архитектором. Он был прорабом на стройке собственной тюрьмы. И тюрьмы для других людей тоже.

– Я же говорил, что здесь опасно ходить одному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.